

ИЛЛЮЗИОНИЗМ (НЕ) ПРОТИВ СЕНТИЕНТНОСТИ

М. Д. Горбачев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, 11

Статья посвящена вопросу о совместимости иллюзионистской теории сознания и широко принятого сентистского подхода к обоснованию морального статуса. Иллюзионизм отрицает наличие феноменального сознания и квалиа, утверждая, что из-за систематического интроспективного искажения мы просто предрасположены считать, что они существуют. Если феноменального сознания не существует, то иллюзионизм не совместим с сентизмом. Именно так считает Франсуа Каммерер, и поэтому в одной из последних работ он предлагает ряд аргументов против сентизма, чтобы показать, что такое отрицание не ведет иллюзионизм к контринтуитивным этическим следствиям. В данной статье утверждается, что вывод о несовместимости иллюзионизма и сентистности является результатом использования этого понятия неочевидным, теоретически перегруженным образом. Автор предлагает три варианта понимания сентистности в связи с тремя видами квалиа: К-, Н- и Д-сентистность (классические, нулевые и диетические квалиа), где только первый вариант оказывается несовместимым с иллюзионизмом. Н-сентистность может быть принята иллюзионистами, но, как и вариант К-, оказывается слишком тяжеловесной для дискуссии об обосновании морального статуса. Д-сентистность признается наиболее подходящим вариантом понимания чувствительности. Она совместима с иллюзионизмом, что исключает возможность обвинения последнего в нежелательных этических следствиях. Также Д-сентистность не сталкивается с проблемами диетических квалиа: она когерентна, если сентизм не является попыткой совместить физикализм и феноменальный реализм из другой дискуссии; она не является бессодержательной, так как понятие сентистности не предполагается использовать в дискуссии о природе феноменального сознания, где диетические квалиа не совершают никакой теоретической работы.

Ключевые слова: иллюзионизм, сентистность, феноменальное сознание, квалиа, диетические квалиа, нормативный вызов.

Для цитирования: Горбачев М. Д. Иллюзионизм (не) против сентистности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 108–114. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-108-114. EDN: SHYGQL.

© Горбачев М. Д., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

ILLUSIONISM IS (UN)RESISTANT TO SENTIENCE

M. D. Gorbachev

National Research University Higher School of Economics,
Russia, Moscow, Pokrovskiy Blr., 11, 109028

The article is devoted to the question of the compatibility between the illusionist theory of consciousness and the widely accepted sentientist approach to the justification of moral status. Illusionism denies the existence of phenomenal consciousness and qualia, claiming that we are disposed to believe that they exist due to a systematic introspective distortion. If phenomenal consciousness does not exist, then illusionism is not compatible with sentientism. This is exactly what Francois Kammerer thinks, and therefore, in one of his recent works, he offers a number of arguments against sentientism in order to show that such a denial does not lead illusionism to counterintuitive ethical consequences. The article argues that the conclusion about the incompatibility of illusionism and sentience is the result of using this concept in a non-obvious, theoretically overloaded way. The author proposes three variants of understanding sentience in connection with three types of qualia: K-, Z-, and D-sentience (classic, zero, and diet qualia), where only the first variant turns out to be incompatible with illusionism. Z-sentience can be accepted by illusionists, but, like the K-variant, turns out to be too heavy for the discussion about the justification of moral status.

D-sentience is recognized as the most suitable variant of understanding sentience. It is compatible with illusionism, which excludes the possibility of accusing the latter of undesirable ethical consequences. Also, D-sentience does not face the problems of diet qualia: it is coherent if sentientism is not an attempt to combine physicalism and phenomenal realism from another discussion; it is not empty, since the concept of sentience is not supposed to be used in the discussion about the nature of phenomenal consciousness, where diet qualia do not do any theoretical work.

Keywords: illusionism, sentience, phenomenal consciousness, qualia, diet qualia, normative challenge.

For citation: Gorbachev M. D. Illusionism is (un)resistant to sentience. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026. Vol. 11, no. 1. P. 108–114. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-108-114. EDN: SHYQL.

© Gorbachev M. D., 2025.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Сравнительно недавно предложенная Китом Франкишем иллюзионистская теория сознания уже успела породить немало значимых для философии сознания дискуссий. Одна из таких дискуссий — вопрос об этических следствиях принятия иллюзионизма, которую начал один из сторонников этого подхода — Франсуа Каммерер, предложив для иллюзионизма нормативный вызов [1]. Центральной проблемой в этой связи можно считать то, какую роль играет феноменальное сознание в обосновании этики и моральных суждений¹. Если феноменальное сознание этически значимо, то иллюзионистам необходимо показать, почему его отрицание не ведет к парадоксальным следствиям. Или же требуется обосновать, почему можно считать феноменальное сознание этически не значимым.

Настоящая статья посвящена более специальному вопросу, который все еще является частью вопроса об этических следствиях иллюзионизма. Это вопрос о том, каковы следствия принятия иллюзионизма для сентиентистской² стратегии обоснования морального статуса. В первой части статьи я кратко представляю понятие сентиентности и иллюзионистскую теорию. Затем я рассмотрю, почему иллюзионизм может быть несовместим с сентиентистскими подходами к обоснованию морального статуса. В третьей части я предложу три подхода к чувствительности, исходя из различных понятий квалиа (классического, диетического и нулевого), и рассмотрю каждый из них, указав, почему именно диетические квалиа в предложенном мной виде важны для сторонника сентиентности и почему иллюзионизм не ведет к нежелательным следствиям в этой связи.

1. Сентиентность, иллюзионизм

Есть разные способы определения сентиентности, которые могут отличаться в более или менее существенных деталях. Общим для всех вариантов является то, что чувствительность заключается в возможности обладать сознательным опытом [2]. Затем мы можем выделить, как предлагает Дунг, узкий и широкий сентиентизм [2, р. 9]. Согласно первому, обосновывать моральный статус может только валентный опыт — тот, который оценивается существом как приятный или неприятный. Широкий сентиентизм допускает такое фундирование также и не валентным опытом. То есть в первом случае необходимо наличие возможности страдать и получать удовольствие; во втором — наличие самой возможности пребывать в сознательном состоянии. Дунг также считает, что можно выделить

сильный и слабый сентиентизм: сильный предполагает, что релевантность нормативности зависит исключительно от чувствительности; слабый допускает наличие других факторов, которые могут служить основанием морального статуса [2, р. 10].

Я не буду останавливаться на том, какие из представленных вариантов сентиентизма пользуются большей популярностью среди ученых и философов. Но даже без подобного рода историко-философского анализа допустимо утверждать, что большинство из тех, кто вовлечен в этическую дискуссию, согласны со значимостью способности обладать сознательным опытом, страдать и получать удовольствие для обоснования ценности опыта и морального статуса его обладателя (например, Берч [3], Лин [4], Меллор [5], Каган [6], Сингер [7] и др.).

Иллюзионизм — это физикалистский тезис о природе сознательного опыта. Под 'опытом' здесь понимаются сенсорные состояния всех видов, как экстероцептивные, так и интероцептивные, а также все виды аффективных состояний. Многими принято считать, что сознательные переживания — это те, которые субъективно *каковы-то* для испытывающего их существа. Свойства, составляющие этот субъективный аспект 'каково-это' (what-it-is-like), называют феноменальными свойствами или квалиа. Обычно признают, что они, по крайней мере, на первый взгляд, аномальны. Их часто описывают как внутренне присущие, приватные, безошибочно познаваемые, непосредственно данные и невыразимые [8]. Объяснение существования этих свойств представляет собой трудную проблему для когнитивной науки, предложенную Чалмерсом. Она противопоставляется 'легким' проблемам, связанным с объяснением функциональных процессов, вовлеченных в сознательный опыт [9, р. 201]. Для иллюзионистов феноменальное сознание и трудной проблемы не существует, и объяснять нужно не феноменальность, а интроспективную иллюзию феноменальности, — нашу предрасположенность считать, что у нас есть феноменальное сознание или что у нашего сознательного опыта есть квалиа, — нефункциональные свойства, которые нельзя объяснить с перспективы третьего лица. Франкиш называет это *проблемой иллюзии* [10]. Соответственно, иллюзия феноменальности в отличие от феноменального сознания допускает объяснение с помощью стандартных естественнонаучных методов, предлагая ясные перспективы для исследования сознания, так как эта иллюзия не обладает особыми эпистемологическими характеристиками, несовместимыми с познанием от третьего лица.

Иллюзионизм противопоставляет себя реалистическим стратегиям объяснения природы субъективного опыта, которые признают реальность квалиа. Есть, как минимум, два варианта таких стратегий. Радикальный вариант — существенно пересмотреть или расширить нашу картину мира, признав наличие особых нефизических феноменальных свойств или сущностей (например, Чалмерс [11], Гофф [12], Строссон [13]). Консервативный вариант — утверждать, что феноменальные свойства не так аномальны, как может показаться, и что их можно объяснить в рамках физикалистской парадигмы (например, Карратерс [14], Розенталь [15]). Последнюю опцию Франкиш отвергает, утверждая, что нельзя успешно совмещать физикализм и квалиа-реализм, не коллапсируя в радикальный вариант реализма или иллюзионизм [16, с. 62].

2. Иллюзионизм против сентиентности

Если мы согласны с тем, что сентиентность является чертой существа, существенной или даже необходимой для обоснования его морального статуса, отрицание чувствительности может приводить к контринтуитивным следствиям и снижать привлекательность подхода, если он несовместим с сентиентизмом. Именно такую проблему рассматривает Каммерер в связи с иллюзионистским подходом. Сначала он выдвигает нормативный вызов³, где он лишь немного пишет о сентиентности [1], а затем в уже подробно останавливается именно на нем в более поздней работе [17]. В этой части я рассмотрю, почему иллюзионизм может считаться отрицающим чувствительность в качестве основания морального статуса, и, соответственно, почему такая проблема вообще может быть релевантна.

Именно Каммерер — сторонник иллюзионизма — заметил наличие у теории проблем с сентиентностью. Он утверждает, что сентиентность — это «способность пребывать в феноменальных состояниях» [17, р. 180], а эти состояния «кажутся хорошими или плохими *сами по себе*, независимо от последующих эффектов (чувствовать боль кажется плохим само по себе — мы знаем, что *это*...плохо из-за того, как это *ощущается*)» [17, р. 183]. Иллюзионизм же отрицает и наличие феноменальных состояний; и то, что есть внутренне присущие свойства опыта, которые могли бы делать состояния *какими-то*; и то, что боль не просто ощущается, а *ощущается*⁴. В таком случае иллюзионисты, действительно вынуждены отрицать, что сентиентность может обосновывать моральный статус или являться этически значимой, так как ее просто не существует.

Однако, как показывают Дунг и Каммерер, среди ученых и философов распространен взгляд, что сентиентность актуально значима для фундирования морального статуса. Из этого можно было бы заключить, что иллюзионизм вместе с феноменальным сознанием отрицает и широко принимаемую сентиентность, теряя свою привлекательность из-за контринтуитивных следствий для смежных проблем. По всей видимости, именно к такому заключению приходит сам Каммерер, поскольку в основной части своей работы он отвечает на вопрос, почему сентиентность не может являться ключевой характеристикой, обосновывающей моральный статус.

Однако я не буду останавливаться на сути этих, безусловно, заслуживающих внимания аргументов. На мой взгляд, вывод Каммерера поспешен и продиктован в первую очередь тем, как именно он интерпретирует чувствительность. Каммерер вво-

дит понятие сентиентности в дискуссию о феноменальном сознании. В результате чувствительность оказывается не просто инструментом утверждения наличия субъективного (возможно, еще и валентного) опыта, а указанием на наличие особых нефизических качественных свойств, которые являются предметом спора в дискуссии о феноменальном сознании. Такой способ представления сентиентности кажется мне далеко не самым очевидным и, возможно, одним из наименее интуитивных. Так, например, во многих работах, где упоминается или обсуждается сентиентность, нет никакого указания на эпистемологически и/или онтологически уникальное/аномальное феноменальное сознание⁵, обладающее особыми характеристиками, не позволяющими вписать его в физикалистскую онтологию. К таким текстам можно отнести, например, работы Браунинг [18], Берча [19], Кауфманн [20] и *Энциклопедию поведения животных* [21].

Я полагаю, что совместимость сентиентизма с иллюзионизмом зависит от того, как именно понимается сентиентность, насколько важным для понятия оказывается связь с аномальным феноменальным сознанием. Поэтому далее я рассмотрю три варианта связи сентиентности и феноменального сознания, исходя из предложенной Франкишем классификации квалиа: классические, диетические и нулевые [22]. Каждый из вариантов сентиентности будет требовать наличие у существа соответствующих квалиа. Это позволит проследить указанную зависимость и сохранить связь понятия сентиентности с дискуссией о квалиа, которую выстраивает Каммерер.

3. Три варианта сентиентности

3.1. К-сентиентность

Я уже упомянул, что Каммерер использует понятие сентиентности в эпистемологически и онтологически нагруженном виде. Такому использованию соответствует связь классических квалиа и чувствительности (К-сентиентность). К-сентиентность в качестве инструмента обоснования морального статуса — это *способность обладать опытом, наделенным интроспектируемыми качественными свойствами, которые являются внутренне присущими, невыразимыми, приватными, непосредственно данными и безошибочно познаваемыми*. Да, разные сторонники классических квалиа могут признавать не полный список этих характеристик, но сейчас подобные детали не так важны. Такая сентиентность, действительно, несовместима с иллюзионизмом и не может служить этически значимой характеристикой для сторонника иллюзионистского подхода. В этом случае мы могли бы обвинять его в контринтуитивных следствиях, если полагаем в высшей мере интуитивным принятие К-сентиентности.

Как показывает работа Каммерера, у иллюзионистов есть возможность избежать вызова, атакуя саму сентиентность. Более того, такая атака вполне может быть успешной, ведь К-сентиентность оказывается онтологически и эпистемологически 'дорогим' понятием, и мы сталкиваемся с проблемой верификации наличия именно таких аномальных свойств чувствительности. То есть не исключено, что в случае, если мы принимаем К-сентиентность и признаем ее несовместимость с иллюзионистской программой, вызов будет стоять не столько перед иллюзионистами, сколько перед К-сентиентистами. Ведь далеко не очевидно, что будет менее привлекательным — отрицание теоретически нагруженной

К-сентиентности или указание на нее как на то, что обосновывает моральный статус. Ведь сентиентность важна и для исследования, например, животных с перспективы третьего лица естественнонаучными методами. А такое исследование становится невозможным при принятии К-сентиентности. Было бы странно, если бы широко принимаемым способом обоснования морального статуса существа было нечто нерегистрируемое никем помимо самого этого существа. И, как я указывал ранее, по всей видимости, К-сентиентность действительно не является тем, что принимается всеми или почти всеми исследователями областей, где это понятие значимо. Хотя, например, один из немногих, если не единственный, в России исследователь, который занимается рассматриваемой в статье проблемой, — Константин Морозов, использует именно К-сентиентность [23].

Более того, такая интерпретация чувствительности кажется мне избыточной. Я не думаю, что наличие или отсутствие аномальной эпистемологии и онтологии классических квалиа значимо для этиков при описании инструмента для принятия решения о моральном статусе. В особенности учитывая, что этическую важность чувствительности признают многие, но едва ли многие из них погружены в дискуссию о природе феноменальности. Это наталкивает на мысль, что для сентиентиста важна скорее субъективная сторона опыта, а не его природа.

3.2. Н-сентиентность

Следующий вид сентиентности связан с нулевыми квалиа (Н-сентиентность). Нулевые квалиа — это то, что предлагают иллюзионисты вместо классических. В результате интроспективного искажения они кажутся классическими квалиа, но на самом деле ими не являются и представляют собой физические свойства, представленные в ходе репрезентации таким образом, что мы предрасположены выносить феноменальные суждения и считать, что мы обладаем феноменальным сознанием. Так понимаемая Н-сентиентность — *это способность обладать опытом, наделенным квази-феноменальными свойствами*.

В таком случае Н-сентиентность будет казаться обладающему чувствительностью существу К-сентиентностью, но не будет являться ею на самом деле. Фактически субъективные свидетельства для К- и Н-сентиентностей будут тождественны, но во втором случае сохраняется возможность исследования и верификации морального статуса на основании наличия Н-сентиентности, так как она физикалистична и не обладает аномальными характеристиками. Разумеется, такой вариант совместим с иллюзионизмом, так как чувствительность лишается всех характеристик, которые сторонники этого подхода не могли бы принять. Более того, Н-сентиентность вполне могла бы устроить и тех проponentов К-сентиентности, для которых важно именно то, как субъективно переживается ее наличие, а не то, обладает ли она в действительности уникальной эпистемологией или онтологией. Ведь субъективно между К- и Н-сентиентностью нет разницы.

При такой интерпретации чувствительности иллюзионисты избегают обвинения в отрицании очевидного и принятии нежелательных этических следствий. Тем не менее я считаю такой вариант чувствительности в той же мере избыточным, что и К-сентиентность. Хотя теперь мы и не сталкива-

емся с невозможностью исследования чувствительности, наличие иллюзии феноменальности или наличие иллюзии К-сентиентности кажется просто не необходимым для признания этической значимости опыта. Так, например, Франкиш отмечает, что иллюзия феноменальности не является заменой феноменального сознания — существо не должно быть подверженным такой иллюзии, чтобы считаться сознательным и обладать субъективными переживаниями [24, р. 40]. При переносе на сентиентность это означает, что наличие иллюзии К-сентиентности не необходимо для способности испытывать опыт и в частности валентный опыт. Ведь Н-сентиентность предполагает, что существу для признания у него морального статуса должно казаться, что его опыт обладает характеристиками классических квалиа. Это, как я упоминал выше, кажется, не интересует исследователей, которые занимаются этикой и чувствительностью. Судя по отсутствию во многих работах описания сентиентности именно как К-сентиентности, сторонников такого обоснования этики интересует сама способность испытывать опыт или валентный опыт, но не то, какой является или кажется его природа.

3.3. Д-сентиентность

Третий и наиболее подходящий, на мой взгляд, вариант сентиентности связан с диетическими квалиа (Д-сентиентность). Диетические квалиа обычно используют в попытке предложить менее нагруженный объект объяснения в рамках проблемы природы субъективного опыта. Под ними понимают *каково-это* опыта, некие феноменальные характеристики, которые делают опыт *каким-то*, но не обладают той уникальной эпистемологией, выводящей классические квалиа из границ физикалистской онтологии. Д-сентиентность в этом случае — возможность обладать опытом, наделенным диетическими квалиа.

Однако такое определение квалиа и, соответственно, Д-сентиентности кажется неясным из-за трудности эксплицитно указать, что именно обозначают диетические квалиа. Этому Франкиш посвятил целую статью, где рассмотрел различные способы введения диетических квалиа, каждый из которых показался ему неудовлетворительным [22]. Поэтому я не буду подробно на этом останавливаться. Однако важны причины, по которым Франкиш призывает нас отказаться от понятия диетических квалиа. Таких причин, как минимум, две: *некогерентность* и *бессодержательность* понятия. Некогерентность возникает в том случае, если понятие диетических квалиа используется в попытке совместить феноменальные свойства и физикализм [22, р. 674]. Многие согласны с Франкишем в том, что феноменальность, если она есть, не вписывается в физикалистскую онтологию; если ее нет, то ничто не мешает использовать более подходящие в этом случае нулевые квалиа. Но не думаю, что такая проблема всерьез угрожает Д-сентиентности, так как связанная с чувствительностью дискуссия не ставит своей целью примирить физикализм и феноменальный реализм в отношении сознания.

Более существенной для Д-сентиентности может оказаться проблема отсутствия у диетических квалиа самостоятельного содержания в свете дискуссии о феноменальном сознании. Понятие оказывается пустым и вынуждено смещаться либо в сторону классических, либо в сторону нулевых квалиа. На мой взгляд, так происходит потому, что, когда сторонники использования диетического по-

нения квалиа не пытаются совместить физикализм и феноменальный реализм, они хотят указать лишь на наличие субъективного опыта, субъективных переживаний и не хотят делать утверждений о природе этих переживаний. Именно поэтому Франкиш, в конечном счете, так и не находит, что могут означать диетические квалиа, если это понятие должно совершать какую-то теоретическую работу. Ведь наличие субъективного опыта признают все стороны дискуссии о феноменальном сознании, включая иллюзионистов. А называть субъективный опыт диетическими квалиа и, тем более, феноменальными характеристиками было бы просто неэкономично и приводило бы к путанице (что в действительности иногда и случается), так как диетическое понятие в этом случае не делает никакой теоретической работы. Для сентиентности это не так значимо, поскольку сентиентисты не решают проблему феноменального сознания. Д-сентиентность не должна быть теоретически содержательна с точки зрения вопроса о природе опыта. Поэтому с точки зрения иллюзионизма как теории сознания Д-сентиентность может быть бессодержательна относительно вопроса о природе субъективного опыта в силу онтологической нейтральности. Но это является проблемой только в том случае, если мы считаем, что сентиентист обязан решить проблему феноменального сознания, что кажется избыточным требованием.

Так, если мы хотим лишь указать на наличие субъективной стороны опыта, отметить, что опыт переживается, не настаивая на наличии у этого переживания аномальной эпистемологии или физикалистского объяснения (то есть, оставляя за рамками онтологический вопрос), то ничто не мешает нам использовать в качестве диетического понятия сентиентности более ясные 'сознательный опыт' или 'субъективные переживания'. Да, какова их природа остается неясным, но это лишь говорит нам о существовании другой философской проблемы, а не о невозможности использовать такой нейтральный вариант сентиентности. В таком случае Д-сентиентность — это не более чем *возможность обладать субъективными переживаниями/сознательным опытом*. Как ни странно, именно такое определение сентиентности предлагает Дунг [2, р. 8–9] и именно таким образом обычно понимается сентиентность в ряде приведенных ранее работ. Сторонникам узкой сентиентности требуется лишь добавить к этому определению указание на валентный опыт, но в остальном Д-вариант им также подходит.

Поскольку иллюзионизм признает наличие субъективных переживаний или сознательного опыта, у его сторонников не будет проблем с Д-сентиентностью. В результате обвинения в отрицании широко признаваемого кандидата на обоснование морального статуса не попадают в цель, и иллюзионист не сталкивается с контринтуитивными этическими следствиями. Более того, иллюзионисту даже не нужно приводить аргументы против сентиентности, так как, по всей видимости, именно Д-сентиентность, которую он готов признать, а не тяжеловесные К- и Н-сентиентности, интересуют большинство сентиентистов.

С другой стороны, если вдруг для нас важно также и то, что обеспечивает наличие сентиентности как таковой, какова ее природа, то Д-сентиентность, как и диетические квалиа, не совершает никакой теоретической работы в этом направлении. Что же та-

кое 'субъективный опыт', остается неясным. Но ничто не мешает нам разделять проблему обоснования морального статуса и проблему объяснения природы субъективного опыта, так как в первом случае нас интересует само наличие опыта, которое иллюзионисты (как, впрочем, и другие стороны дискуссии о природе опыта) могут признать без требования предоставить дополнение в виде ответа на вопрос об онтологическом статусе этого опыта. Ведь, как я упоминал, было бы избыточно требовать от сентиентиста решение проблемы феноменального сознания. Хотя при этом необходимо учитывать, что методология удостоверения наличия Д-сентиентности может напрямую зависеть от ответа на вопрос о ее природе. Но и в этом случае, если мы, например, не решимся выбирать аномальную К-сентиентность, не возникает обязательства останавливаться на Н-сентиентности, которая предполагает сильный тезис о наличии иллюзии К-сентиентности. Предложенные варианты не исчерпывают все возможные виды чувствительности. Вполне вероятно, что какой-нибудь минималистичный физикалистский вариант, не предполагающий никакой иллюзии, но позволяющий делать вывод о сентиентности существа на основании его физического или функционального устройства, окажется предпочтительным. Тот же функционализм — пусть и может быть оспорен сторонниками К-сентиентности, но остается неплохим вариантом для Д-варианта. Однако, как я уже отметил, подходов к удостоверению наличия Д-сентиентности может быть много, и они зависят от того, как мы объясняем наличие переживаний. Здесь проблемы, связанные с верификацией носят скорее технический характер, хотя и зависят от нашего определения субъективного опыта. В то время как верификация К-сентиентности невозможна по определению, что делает Д-вариант более предпочтительным.

Конечно, Д-сентиентность может не устроить все стороны даже в рамках обсуждаемых трех вариантов, так как признание наличия Д-сентиентности и признание ее в качестве того, что удостоверяет моральный статус, не влечет к признанию К-сентиентности или Н-сентиентности. Однако я не думаю, что это большая проблема. Состав сторонников понимания чувствительности, близкого к К-сентиентности, по всей видимости, весьма малочисленный, а сторонников Н-сентиентности, насколько мне известно, вовсе нет. Тем не менее стоит учитывать наличие опции настаивать на необходимости обладать возможностью испытывать именно феноменальный опыт, чтобы считаться существом, наделенным сентиентностью и, как следствие, моральным статусом. Хотя остается открытым вопрос, насколько такое требование оправданно, учитывая возникающие в результате трудности с дальнейшими исследованиями.

Заключение

В начале текста я задался вопросом о следствиях принятия иллюзионизма для сентиентистского подхода к обоснованию морального статуса. Если иллюзионизм ведет к отрицанию такого подхода, иллюзионисты сталкиваются с нежелательными импликациями, поскольку этическая значимость чувствительности широко принимается и кажется интуитивной в исследовательском сообществе (даже в том случае, если мы признаем трудности в регистрации наличия сентиентности). Каммерер в попытке защитить иллюзионизм даже предложил

два аргумента против сентииентности. Однако, как я попытался показать в тексте, его аргументы, как и общее беспокойство относительно совместимости иллюзионизма и сентииентизма, релевантны только при определенном понимании сентииентности. Так, я предложил три вида чувствительности, основываясь на трех видах квалиа: К-сентииентность (классические квалиа), Н-сентииентность (нулевые квалиа) и Д-сентииентность (диетические квалиа). Идея Каммерера актуальна только для К-сентииентности, которая заключается в способности испытывать феноменальный опыт. Однако сентииентист, если он по какой-то причине заинтересован ответить на вопрос о природе чувствительности, может использовать и Н-сентииентность, где существо должно быть способным испытывать квази-феноменальный опыт, который лишь кажется обладающим феноменальными свойствами. Такой вариант устраивает иллюзионистов, хотя и завывает требования к чувствительности за счет необходимости наличия иллюзии феноменальности, которая, по мнению Франкиша, не требуется для наличия сознательного опыта.

Есть и третий вариант — Д-сентииентность — способность обладать субъективными переживаниями. Если она не оказывается попыткой совместить феноменальный реализм и физикализм в вопросе обоснования морального статуса, то такой вариант избегает проблемы некогерентности, а проблема бессодержательности не возникает, так как понятие сентииентности предлагается для выдвижения тезиса не о природе чувствительности, о которой Д-сентииентность ничего не говорит, а о самом ее наличии в виде субъективного опыта. Единственное, что требуется от иллюзионистов в таком случае, — это признание наличия субъективного опыта. Поскольку они готовы это сделать, иллюзионистская теория совместима с Д-сентииентизмом, никаких нежелательных следствий не возникает, а попытки отвергнуть сентииентизм, чтобы спасти иллюзионизм, — результат толкования чувствительности как К-сентииентности, которая в действительности не является широко принимаемой.

Финансирование / Funding

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University "Higher School of Economics".

Благодарности / Acknowledgments

Выражаю благодарность Константину Морозову за интересный доклад, по итогам обсуждения которого выходит эта статья.

I would like to thank Konstantin Morozov for the interesting presentation, the discussion of which led to this article.

Примечания

¹ Здесь и далее, говоря об обосновании или фундировании этики, моральных суждений или морального статуса, я имею в виду придание релевантности нормативности поведения в отношении агента/существа.

² В статье термины 'сентииентность' (sentience) и 'чувствительность' будут использованы в качестве синонимов.

³ Вызов ставит перед иллюзионистами проблему объяснения того, почему отрицание феноменального сознания не приводит к парадоксальным этическим следствиям, если мы признаем связь между феноменальностью и этической ценностью опыта.

⁴ Вероятно, Каммерер использует курсив именно для того, чтобы подчеркнуть феноменальный характер этих ощущений.

⁵ Иногда термин 'феноменальное сознание' используют вне связи с аномальными эпистемологическими характеристиками или нефизикалистской онтологией. В этих случаях речь идет, скорее, о феноменологии, под которой подразумевается не более чем субъективная сторона опыта. Но такие случаи не релевантны дискуссии о природе феноменального сознания.

Список источников / References

1. Kammerer F. The Normative Challenge for Illusionist Views of Consciousness. *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 6, no. 32. P. 891–924. DOI: 10.3998/ergo.12405314.0006.032.
2. Dung L. Preserving the Normative Significance of Sentience. *Journal of Consciousness Studies*. 2024. Vol. 31, no. 1. P. 8–30. DOI: 10.53765/20512201.31.1.008.
3. Birch J. Materialism and the Moral Status of Animals. *The Philosophical Quarterly*. 2022. Vol. 72, no. 4. P. 795–815. DOI: 10.1093/pq/pqab072.
4. Lin E. The Experience Requirement on Well-Being. *Philosophical Studies*. 2021. Vol. 178, no. 3. P. 867–886. DOI: 10.1007/s11098-020-01463-6.
5. Mellor D. J. Welfare-Aligned Sentience: Enhanced Capacities to Experience, Interact, Anticipate, Choose and Survive. *Animals*. 2019. Vol. 9, no. 7. P. 1–16. DOI: 10.3390/ani9070440.
6. Kagan S. How to Count animals, More or Less. Oxford: Oxford University Press, 2019. 296 p.
7. Singer P. Practical Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 338 p.
8. Lewis C. I. Mind and the World-Order: Outline of a Theory of Knowledge. New York: Dover Publications. 1956. 446 p.
9. Chalmers D. J. Facing Up to the Problem of Consciousness. *Journal of consciousness studies*. 1995. Vol. 2, no. 3. P. 200–219.
10. Frankish K. Illusionism as a Theory of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, no. 11–12. P. 11–39.
11. Chalmers D. J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford: Oxford University Press, 1997. 414 p.
12. Goff P. Consciousness and Fundamental Reality. Oxford: Oxford University Press, 2017. 256 p.
13. Strawson G. Mind and Being: The primacy of panpsychism. *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / Eds. G. Вьлнtrup, L. Jaskolla. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 75–112.
14. Carruthers P. Phenomenal Consciousness: A Naturalistic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 368 p.
15. Rosenthal D. Consciousness and Mind. Oxford: Clarendon Press, 2005. 392 p.
16. Франкиш К., Горбачев М. Д. Квайнирование диетических квалиа. Часть II // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 48–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-8-48-59. EDN: RJQTCF. Frankish K., Gorbachev M. D. Kvaynirovaniye diyeticheskikh kvalia. Chast' II [Quining Diet Qualia. Part II]. *Voprosy filosofii*. 2024. No. 8. P. 48–59. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-8-48-59. EDN: RJQTCF. (In Russ.)
17. Kammerer F. Ethics without Sentience: Facing Up to the Probable Insignificance of Phenomenal Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2022. Vol. 29, no. 3–4. P. 180–204. DOI: 10.53765/20512201.29.3.180.

18. Browning H., Veit W. The Sentience Shift in Animal Research. *The New Bioethics*. 2022. Vol. 28, no. 4. P. 299–314. DOI: 10.1080/20502877.2022.2077681.
19. Browning H., Birch J. Animal Sentience. *Philosophy Compass*. 2022. Vol. 17, no. 5. P. 1–14. DOI: 10.1111/phc3.12822.
20. Kaufmann A. Introducing Individual Sentience Profiles in Nonhuman Primate Neuroscience Research. *Current Research in Neurobiology*. 2023. Vol. 5. P. 1–6. DOI: 10.1016/j.crneur.2023.100104.
21. Encyclopedia of Animal Behavior. Vol. 1–4 / ed. J. C. Choe. London: Academic Press, 2019. 3048 p.
22. Frankish K. Quining Diet Qualia. *Consciousness and Cognition*. 2012. Vol. 21, no. 2. P. 667–676. DOI: 10.1016/j.conscog.2011.04.001.
23. Морозов К. Е. Нормативная проблема для панпсихизма // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, №. 2. С. 144–161. DOI: 10.5840/eps202562227. EDN: HZKTEK.
- Morozov K. E. Normativnaya Problema Dlya Panpsikhizma [Normative Challenge for Panpsychism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2025. Vol. 62, no. 2. P. 144–161. DOI: 10.5840/eps202562227. EDN: HZKTEK. (In Russ.).
24. Frankish K. The Ethical Implications of Illusionism. *Neuroethics*. 2024. Vol. 17, no. 2. P. 1–15. DOI: 10.1007/s12152-024-09562-5.

ГОРБАЧЕВ Максим Дмитриевич, кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

SPIN-код: 9453-6534
 ORCID: 0000-0002-8374-5889
 ResearcherID: AGD-7154-2022
 Адрес для переписки: mgorbachev@hse.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 30.12.2025.

GORBACHEV Maxim Dmitrievich, Candidate of Philosophical Sciences, Research Fellow at the International Laboratory of Logic, Linguistics and Formal Philosophy, National Research University Higher School of Economics, Moscow.
 SPIN-code: 9453-6534
 ORCID: 0000-0002-8374-5889
 ResearcherID: AGD-7154-2022
 Correspondence address: mgorbachev@hse.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 30.12.2025.